

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КАРНАВАЛИЗАЦИЯ РЕЧИ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ АМЕРИКАНСКОГО ВЕСТЕРНА

Пожарицкая Е.А.

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Антропоцентризм современной лингвистики проявляется, прежде всего, в исследовании речевой коммуникации как продукта социального и психологического взаимодействия людей. Вступая в речевой контакт, языковая личность не только кодирует и декодирует информацию в процессе обмена сообщениями, но и манифестирует свои идеалы и жизненные предпочтения, утверждает определенные принципы добра и зла. Среди лингвистических исследований, посвященных проблеме языковой личности на современном этапе, можно отметить работы Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, С.Г. Воркачева. Настоящее исследование посвящено изучению синтаксических характеристик персонажных высказываний, создающих вполне узнаваемый портрет языковой личности героя произведения.

Актуальность темы исследования вытекает как из гносеологической необходимости разработки и обоснования модели языковой личности на уровне синтаксиса, так и практического аспекта социальной коммуникации.

Предметом исследования выступают коммуникативно-синтаксические типы предложений – продуктов речевой деятельности персонажей. Объектом – художественный диалог американского романа в стиле «вестерн».

Основной целью данного исследования является разработка узнаваемой синтактико-речевой модели личностей главных героев вестерна. Концептуально работа основывается на логическом продолжении семиотической теории карнавала, изложенной М. М. Бахтиным в его книге о Рабле (1965). Смысл концепции Бахтина в том, что он применил понятие карнавала, ежегодного праздника перед великим постом, ко всем явлениям культуры Нового времени. [2]. В центре концепции карнавализации – идея об «инверсии двоичных противопоставлений», то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций. Когда народ выходит на карнавальную площадь, он прощается со всем мирским перед долгим постом, и все основные оппозиции христианской культуры и все бытовые представления меняются местами.

Со своей стороны, мы рассматриваем карнавализацию персонажа как намеренную типизацию речи его речи, своего рода языковую карнавальную маску, легко узнаваемую читателем. Таким образом, бинарность карнавализации переводится из плоскости инверсированной переоценки ценностей в прямое узнавание масок главного злодея и героя произведения.

Выбор американского вестерна в качестве материала для исследования продиктован его психологической прямоотой, противопоставление добра и зла очевидно. В основе многих вестернов лежали исторические события, история в них была переосмыслена и служила материалом для создания идеализированной

картины установления правопорядка на землях, которые его никогда не знали, а также мифологизированного образа героя, вступающего в борьбу с дикой природой и конкурентами во имя утверждения нравственных и социальных ценностей [12: 47]. По словам В.П. Шестакова, вестерн родился как американский вариант рыцарского жанра. «Ковбой – это рыцарь прерий. Благородный и непобедимый. Меч рыцаря сменил шестизарядный "кольт". Сменились декорации, но основная идея осталась той же: Добро против Зла; честный против подонков; один против множества» [10: 273]. При создании языковой личности своих персонажей «...автор использует разговорную речь для социальной и психологической характеристики персонажей: показа их эмоционального состояния, отношения субъекта к адресанту, создания необходимой атмосферы повествования, определения социальной принадлежности индивида» [8: 39-40]. Отсюда и персональная речь в художественном произведении, речь индивида вообще имеет свои, отличные от других, социо-психолингвистические особенности. Термин «языковая личность» был введен В.В. Виноградовым в 1930-х гг. в книге «О языке художественной прозы». Он исследовал два типа художественной языковой личности – личность автора и личность персонажа [4]. В лингвистике под «языковой личностью» понимается личность речевая – человек как носитель языка, т.е. комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения [3: 3]. Очевидно, что языковая личность является носителем языкового сознания. Языковое сознание, в свою очередь – это опосредованное языком отражение образа мира и моральных ценностей той или иной культуры [3: 3; 6: 26; 9].

Языковое сознание личности реализуется в речевом поведении, которое определяется коммуникативной ситуацией, языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, мировоззрением и т.д. [3; 6; 9].

Понимая предложение как отражение в речи ментальных процессов сознания, преломленных в языке [7], мы выдвигаем в качестве рабочей гипотезы предположение об отражении морально-этических ценностей персонажей на уровне синтаксиса. Исследование 3000 речевых образцов, отобранных методом сплошной выборки из классического американского вестерна позволило заключить следующее.

Языковая личность персонажа может быть представлена через понятие речевой маски, которая реализуется языковыми средствами, отбираемыми автором для визуализации читателем своего героя. Карнавализация речи языковой личности служит особым типом восприятия ее читателем. Успех общения автора с читателем во многом определяется особенностями речевой репрезентации текста произведения. «Чтобы состоялось общение автора и адресата через текст, необходимы знание языка (кода), и общность концептуальной и языковой картины мира у коммуникантов, а также наличие канала связи» [11: 195]. Иными словами, автор произведения должен сообщить читателю условный код своего сообщения, чтобы сделать его понятным и адекватно воспринимаемым на уровне языка, и, следовательно, сознания. Вот здесь возможно говорить о карнавализации персонажной речевой личности. Речевое поведение персонажей представляет собой взаимодействие масок – типажей виртуальных личностей.

Речевая, а в нашем случае синтаксическая маска выступает как саморепрезентация героя. Лексико-грамматические средства выражения карнавализации направлены на идентификацию положительного или, наоборот, отрицательного героя вестерна.

В процессе исследования фактического материала установлено, что главный **положительный** герой вестерна изъясняется преимущественно *структурно простыми* предложениями – 65% от всего корпуса высказываний. (Отметим для сравнения, что в среднем, по данным И.Б. Морозовой, в художественном диалоге простые предложения засвидетельствованы в 56.5% [7: 86]). При этом, линейная протяженность высказываний в основном не превышает 7-8 словоформ. Рассмотрим следующие примеры.

- *You spoke of Hastings* [13: 89]. – простое предложение;
- *“Mebbe you put me in prison to get Charlene.” – “On my word, Eli, it wasn’t that!”* [15: 93]. – иницилирующая реплика представляет собой простое предложение.

Сложные и осложненные предложения составляют соответственно 21,3% и 13,2%, соответственно. Например:

- *You folks always toughen up when it comes to shooting my guts, he sneered* (Hyks) [16: 47]. – сложное предложение.
- *It’s just Harper’s crowd. – Maybe that’s true, – Bannon said, – but I’ve seen no sign of them quittin’ yet* [13: 83]. – Рок Бэннон использует в ответном высказывании осложненное предложение.

«Хороший парень» говорит уверенно. Он ответственен, предпочитает декларатив и императив. А если и задает вопросы, то специального типа, сугубо с целью получения информации (11% от всего корпуса высказываний). Проанализируем фактический материал.

- *“Once I promised to stop you and plumb dead. And I will. Mark my word,” Rio Jim’s voice was even and matter-of-fact, but his eyes had a dangerous glint.* [16: 95]. – Рио Джим использует декларативные предложения, обещая остановить своих врагов, говорит кратко и по существу.
- *At last he (Eli) spoke, his voice calm. “Stop where you are, Ted. You too, Charlene. Don’t try for your gun, Ted!”* [15: 126] – императивы, используемые в речи главного героя идут цепочкой, обращаясь к обоим собеседникам по очереди. Отрицание в императиве последнего высказывания подкрепляется общей эмотивностью предложения и маркируется восклицательным знаком.
- *“Where do you go now?” Hyks wondered* [16: 23]. – предложение вопросительное, представляющее собой специальный вопрос.

В свою очередь речь «главного негодяя» отличается синтаксически и линейно сложными построениями. Простые предложения составляют лишь 48,2%, а сложные 37,6% от всего корпуса соответственно. Частотность осложненных предложений, употребленных положительным и отрицательным героями, отличается мало. У последнего высказывания этого типа употребляются

примерно в 14,2% случаев, а линейно реплики составляют в среднем 12 словоформ.

- *"Why not?" Harper was saying. "You all want homes. Can you find a more beautiful country than this?"* [13: 43]. – Из трех высказываний Харпера, два являются вопросительными предложениями, не запрашивающими информацию, а ориентированы на получение у собеседников поддержки и одобрения. Подчеркнутые примеры являются простыми предложениями.
- *"Once I can move from here, I'll set a match to that house"* [15: 68]. – Морган высказывает свою угрозу сложным предложением.
- *"Haw-Haw," explained Mac quietly, "I ain't going after Barry. I'm going to make him come after me"* [14:122]. – подчеркнутое предложение осложнено синтаксическим комплексом.

При общем предпочтении в речи героев декларатива, отрицательный персонаж отличается повышенной тенденцией к постановке вопросов (20,2% случаев), ставя себя на уровне подсознания в заведомо зависимую позицию. При этом вопросы его преимущественно риторические, словно он сам сомневается в своей правоте. В целом, реплики «негодяя» часто прерваны, отличаются парцелированной структурой, что свидетельствует о его психологической неуверенности. Например:

Well...if only...if he only tries to stand in the way...I won't let him... I swear... [15: 95] – Морган не может найти слов, его речь прерывиста, он не заканчивает ни одного из начатых предложений, постоянно меняя начало фразы.

Такое явное расхождение речевых портретов главных героев вестерна позволяет говорить о карнавализации их речи на уровне синтаксиса. В завершение исследования нами был проведен следующий психолингвистический эксперимент по узнаванию «масок» в вестерне. Студентам 5 курса английского отделения (40 человек) и группе американских туристов (20 человек) было предложено распознать главного положительного и отрицательного героя вестерна по оригинальным образцам их речи. При этом лексически и с точки зрения коммуникативного наполнения реплики и тех и других персонажей существенно не отличались. Результаты эксперимента в обоих контрольных группах продемонстрировали «узнавание» читателями героев по их «синтаксическим маскам» в 92,6%.

Отсюда ясно, что карнавализация персонажной речи – мощный инструмент воздействия на читателя на уровне его подсознательного восприятия информации, заложенной автором в тексте. Использование этого приема оптимизирует читательскую солидарность с авторской концепцией и позволяет говорить о речевых масках-ярлыках активно участвующих в процессе восприятия и познания окружающей действительности.

Литература

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства / Асмус Нина Геннадиевна. – Дисс. ...канд. фил. наук. – Челябинск, 2005. – 266 с.

2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. - М., 1965. – Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/prim.php
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. докт. филол. наук. — 1984. — 31 с.
4. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / Виноградов В. В. – М.: Просвещение, 1980. – 355 с.
5. Иванов В. В. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений // Учен. зап. Тартуского ун-та. - Тарту, 1978. - Вып. 408. – С. 121-129.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 5-е, стер. – М: КомКнига, 2006. – 261 с.
7. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І. Б. Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
8. Тартачная Е.В. Стилистика разговорной речи в иностранной художественной прозе // Очерки по теории языкознания. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1987. – С. 37-48.
9. Толмачева Т.А. Теория языковой личности и процесс обучения межкультурной коммуникации. – Электронный ресурс. – Режим доступа: // <http://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/>
10. Шестаков В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». – М.: Наука, 1988. – 326 с.
11. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: “за” и “против”. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-228.
12. Cawelty J.G. Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. – Chicago, 1976. – 378 p.
13. L'Amour Louis The Tall Stranger. – New York: Fancett Publ., 1977. – 126 p.
14. Brand M. The Night Horsemen. – New York: Phoenix Rider, 2008. – 276 p.
15. Haning B. Track the Man Down. – New York: Belmont Tower Books, 1996. – 192 p.
16. Tuttle W.C. The Double-revolvered Hyks Way. – New York: Bantam Books, 1988. – 143 p.

Summary

The work is dedicated to the problem of syntactic organization of characters' speech in dialogue in the American western novels. The author gives their own interpretation of the term 'carnavalisation' of speech. A conclusion is made about definite syntactic marking of speech belonging to the main positive and negative characters in western novels. The results of the investigation point to psychological differentiation of the characters' speech portraits even on the level of their syntax.